

АЛЕКСЕЕВ
Сергей Сергеевич

Алексеев С.С. — член-корреспондент РАН, автор около двадцати книг. Член Президентского совета (1993—1995). Директор Института частного права.

ВПЕРЕДИ ВРЕМЕНИ — ЗНАЧИТ ВОВРЕМЯ

1. КОГДА СОМКНУЛИСЬ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Очень кратко о некоторых событиях, предшествовавших работе над ГК — Гражданским кодексом и связанных с утверждением самой идеи частного права. Из этих событий представляется существенным выделить два ряда обстоятельств.

Первые из упомянутых обстоятельств — тупики в реформах, начатых в 1992 году. Каковы причины такого рода тупиков? Только ли разрушенность всего общества, неспособность общества в этой связи воспринять радикальные рыночные формы и институты? Нет, наряду с указанными и другими аналогичными причинами беда состояла и ныне состоит в том, что во всем комплексе институтов, призванных сформировать в России современную рыночную экономику, не нашлось должного места праву, правовым формам. И не просто праву, правовым формам (о них в

общем виде говорилось всегда), а частному праву, которое одно лишь — именно частное — соответствует требованиям современной рыночной экономики (именно тогда, еще осенью 1991 года, довелось мне выступить со статьей «Не просто право — частное право»).

Между тем, начиная с первых шагов кардинальных экономических реформ, право в российском обществе, только-только выходящее из режима советского тоталитаризма, имело характер опубличенной юридической системы, сформированной в условиях планово-распределительной экономики и не отвечающей потребностям товарно-рыночного хозяйства.

И обстоятельства иного порядка. К концу 1991 года усилился процесс активного разрушения, дезинтеграции гигантской страны — Советского Союза. Начавшийся в связи с «суверенизацией» прибалтийских республик, а затем России этот процесс после августовского путча 1991 года приобрел стремительный, неостановимый характер. С той поры общесоюзный государ-

ственный аппарат, надорванный путчем и резким возвышением РСФСР, его руководящих лиц, напоминал умирающий организм, из которого уже выпорхнула жизнь, исчезала жизнеспособность.

Что же могло предотвратить этот усиливающийся распад, утрату остатков жизнеспособности? Государственно-административные меры «сверху», требования от центральных правительственных и юрисдикционных учреждений упрочить общесоюзную законность (уже упоминалось о «грозных» заявлениях, сделанных на этот счет ККН) не находили ответа, глохли в парализованной стране, умирающем обществе.

И тогда стало очевидным, что здесь решающую интегрирующую роль, причем «снизу», призвано сыграть право, которое по самому своему существу способно быть не только необходимым элементом реформирования общества, но и могучей интегрирующей силой. Таким правом, действующим как бы изнутри общественной жизни, и является цивилистика — гражданское право. И подобная оценка гражданского права — не просто плод досужего ума, а факт, подтвержденный жизнью. Все страны, отличающиеся в современных условиях развитой товарно-рыночной экономикой, опирались на развитое гражданское право; в Германии же отработанный свод гражданского законодательства — Германское гражданское уложение (ГГУ) — сыграл к тому же еще и ключевую роль в реальном объединении разрозненных германских княжеств и герцогств.

Все это и дало толчок к тому, чтобы в обстановке усиливающейся дезинтеграции бывшего союзного государства и с явным расчетом в какой-то мере опередить события еще в ноябре 1991

года перед союзным Президентом М. Горбачевым был поставлен вопрос об организации правового центра по подготовке гражданского законодательства, сразу же названного, к счастью, Центром частного права («к счастью», ибо само выражение «частное право», с ленинских времен преданное анафеме, получило официальное узаконение). Эта идея была поддержана на Государственном Совете, а затем, уже в декабре, после распада СССР, воспринята российским руководством. Так что Центр частного права, территориально расположенный в одном из зданий на Старой площади, был узаконен, притом с весьма высоким статусом подразделения, находящегося «при Президенте РФ».

Центр частного права и осуществил в 90-х годах работу по подготовке Гражданского кодекса (ГК) Российской Федерации.

2. ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС: НЕЗАМЕНИМАЯ МИССИЯ

ЦЕНТР ЧАСТНОГО ПРАВА объединил наиболее крупных, видных специалистов по гражданскому праву бывшего Советского Союза — научных сотрудников и преподавателей из Москвы, С.-Петербурга, Екатеринбурга; в работу, осуществляемую Центром, включились сотрудники и преподаватели из Алма-Аты, Бишкека, ряда других городов и регионов.

Сразу же были установлены контакты с крупнейшими юридическими авторитетами из зарубежья, особенно из Нидерландов, Германии, США, Италии, других стран.

В целом, работа в Центре была слаженной, дружной; наконец-то собрались вместе специалисты, с полуслова понимающие друг друга. Прак-

тическую работу по подготовке проекта возглавили крупный российский ученый-цивилист А.Л. Маковский и директор Исследовательского центра, ранее (в связи с подготовкой Конституции) уже упомянутый, юрист от Бога — С.А. Хохлов.

Тем не менее первые шаги Центра в начале 1992 года были отмечены сомнениями и даже некоторым разладом, затрагивающими перспективу последующей работы. Попытка форсировать подготовку Кодекса (уже летом 1992 года в недельный срок был выработан и опубликован перечень статей Кодекса) встретила возражения некоторых специалистов, полагавших, что спешка ни к чему. Подготовка ГК требует долгого времени, а пока, в ближайшую пору, нужно «закрыть» бреши в текущем законодательстве, сосредоточить усилия на выработке срочно необходимых для хозяйственной жизни документов, так что едва ли стоит касаться всех этих внутренних трудностей. Важно то, что в конце концов, хотя и с оговорками, возобладала линия на то, что «будем готовить ГК».

Впрочем, до весны 1993 года работа над проектом Кодекса шла ни шатко ни валко. В нашей резиденции раз-два в неделю, обычно во второй половине дня, собиралась рабочая группа, происходила не очень спешная отработка первых глав проекта.

Ну и к чему торопиться? Ведь действовал — пусть из прошлого, советский — но все же не столь уж старый Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Да плюс к тому совсем недавно, накануне распада СССР, в 1991 году приняты общесоюзные Основы гражданского законодательства — краткий, во многом несовершенный, но уже «совсем новый» документ.

И все же для людей, озабоченных судьбой права в России, неспешная работа над проектом Гражданского кодекса вызвала тревогу. И был очень серьезный тревожный сигнал: поступили сведения о том, что в Правительстве формируется подготовка Торгового кодекса (и к этому привлекается один из наших сподвижников — В.Ф. Яковлев), причем, при обосновании этого шага в правительственном документе прозвучали такие слова: «В связи с тем, что подготовка Гражданского кодекса недопустимо задерживается...».

МЕЖДУ ТЕМ, если отвлечься от организационных и околонучных проблем, Гражданский кодекс по самой сути вещей был в то время и сейчас остается делом первостепенной важности, срочности, на сегодняшний день и на перспективу решающим. Почему?

Здесь красноречивы сами по себе исторические факты. Исторические факты свидетельствуют о том, что бурному, порой скачкообразному развитию рыночной экономики и демократических институтов, а в конечном итоге — становлению гражданского общества во всех странах неизменно предшествовало прочное утверждение в общественной жизни гражданского права, наиболее прочно и последовательно там, где такое утверждение состоялось в виде Гражданского кодекса (Франция — наполеоновский Гражданский кодекс 1804 года; Германия — Германское гражданское уложение 1900 года).

Суть дела в том, что Гражданский кодекс — это не рядовой закон, даже в ряду с другими, казалось бы, однотипными «базовыми» кодифицированными документами (такими, как Уголовный кодекс, Административный кодекс и др.). По ряду сторон ГК не уступает, а в определенном отноше-

нии превосходит значение Конституции.

Ведь предмет ГК — если свести воедино все легальные, содержащиеся в текстах гражданских законов, и научные характеристики на этот счет — образует собственность (категория, не уступающая предмету Конституции, — власти), причем, собственность не в общих и декларативных определениях, а в том реальном, юридически строгом и юридически обеспеченном виде, в каком она призвана быть основой экономики, всех жизненно важных сфер жизни общества, в том числе и власти.

Но и это еще не все и, возможно, не самое главное.

Великая (да, как это ни громко звучит, именно великая) миссия гражданского права состоит в том, что оно вводит в жизнь и способно сделать реальными, юридически обеспеченными высокое положение личности в обществе и ее действительную, защищенную свободу в области собственности, всего комплекса имущественных и личных неимущественных отношений, в других важных областях жизнедеятельности человека.

Это достигается, главным образом, тем, что именно гражданское право, особенно тогда, когда его содержание выражено в отработанном Гражданском кодексе, не только гарантирует неприкосновенность собственности, судебную защиту прав людей и т.д., но и:

утверждает в собственности, других имущественных и личных неимущественных отношениях юридическое равенство всех лиц (и государства, и должностных лиц, и крупных фирм, и отдельного человека — всех без исключений);

устанавливает право всех лиц самим, своей волей и в своем интересе

устанавливать для себя условия своего поведения, его последствия и средства взаимного воздействия (и государство обязано не только спокойно «принимать» подобное положение вещей, но и юридически охранять его);

направлено на то, чтобы исключить произвольное вмешательство кого-либо, в том числе — государственных органов и должностных лиц, в частные, гражданские отношения (и государство в данном случае должно как бы выступать «против самого себя»).

Совершенно очевидно, что ни свободная рыночная экономика, ни вообще реально существующие демократические порядки просто невозможны, немыслимы без того, чтобы не утвердились, не вошли в жизнь в виде незыблемых начал вот эти, гражданско-правовые постулаты, если угодно, «устои свободы» — юридическое равенство лиц, их юридически обеспеченная способность самим, своей волей и в своем интересе определять свое поведение там, где людям «дано быть» свободными.

А теперь еще об одном моменте, которому обычно не придается должного значения (а если и придается, то порой со знаком минус), — о том, что гражданское законодательство касается какой-то «мелочевки», нашей повседневной жизни, казалось бы, мелких, по большей части сугубо личных дел — покупок в продмагах, сделок на базарах, заказов в мастерских, обмена квартир, приобретения дачного участка, возмещения ущерба при авариях автотранспорта, страхования, наследования и т.д. и т.п. Какая уж тут «великая миссия»?

Между тем, именно здесь нужно видеть незаменимую силу гражданского законодательства! Через повседневность, бытовые дела, повторяющиеся изо дня в день мелкие рутинные по-

ступки и операции обыденной жизни в неукоснительную привычку, в плоть и кровь всего населения входят начала свободы, самостоятельности личности, ее высокого, защищенного положения в обществе.

Так что эффект от отработанного гражданского законодательства сказывается не сразу, не через год-другой. Нужно, чтобы прошло время, и, наверное, немалое, для того, чтобы принципы и ценности гражданского права через нашу повседневность, ежедневные дела прочно вошли в жизнь.

И когда, скажем, Германия в 50-60-е годы стала на путь процветания и благополучной жизни большинства населения, то здесь, по моему мнению, решающую роль, наряду с удачными эрхардовскими реформами, сыграло то обстоятельство, что правовое поведение, отвечающее требованиям свободной рыночной экономики, прочно вошло в образ жизни людей, стало непреложной жизненной нормой (ведь даже в обстановке гитлеровского рейха и просоветского хоннекеровского тоталитарного режима действие Гражданского уложения продолжалось, не подвергалось сколько-нибудь существенным коррективам).

ВЕРНЕМСЯ к той обстановке 90-91-го годов, когда в России начала развертываться работа по подготовке российского Гражданского кодекса.

Остроту этой обстановке придавало то обстоятельство, что с января 1992 года в России были «отпущены цены», т.е. введена в действие самая что ни на есть радикальная мера, призванная на месте плановой экономики «создать рынок». И вот такого рода суперкардинальные преобразования совершались, как это ни покажется поразительным, при отсутствии развитого отработанного гражданского

права. То есть при отсутствии условий, которые даже при неблагоприятных обстоятельствах того времени, порожденных огосударствленным обществом, давали бы известный шанс на успех преобразований.

Понятно, что здесь, в изменении правовой обстановки, необходимой для проведения рыночных преобразований, не могли помочь одни лишь отдельные, казалось бы, радикальные «рыночные» законы (о собственности, об акционерных обществах, о земле и т.д.). Для успешного осуществления реформ требовалась принципиально новая правовая атмосфера, новый «дух права», выражающий твердо провозглашенную и юридически обеспеченную экономическую свободу, свободу личности, ее верховенство над властью и одновременно — защиту общества от злоупотреблений в ходе реформ. А этого можно добиться одним путем — введением в жизнь отработанного современного гражданского законодательства, построенного на началах частного права.

ЗДЕСЬ УМЕСТНО сказать несколько слов об этой самой категории — «частное право».

Выражение «частное право», которому коммунистической пропагандой был придан крайне неодобрительный оттенок, действительно может создать впечатление как о чем-то эгоистически-личном, противостоящем обществу и другим людям, недопустимом и позорном. Именно такие интонации слышались в словах В. Ленина (сказанных им — внимание! — как раз в связи с подготовкой в 1922 году Гражданского кодекса) о том, что «мы ничего частного в области хозяйства не признаем».

Между тем, частное право относится к самой первооснове права как особого и высокозначимого социально-

го феномена. Более того, право как особый социальный феномен начало формироваться в силу потребностей и логики жизни (в том числе для обеспечения товарно-рыночных отношений, собственности) как раз с таких спонтанно складывающихся юридических форм и институтов, которые и могут быть обозначены в качестве «частного права».

«Частного» потому, что юридические формы и институты сориентированы здесь на обслуживание частной инициативы и частных интересов; и вследствие этого инициатива и интересы отдельных лиц лежат в основе юридического регулирования и юридической защиты. С точки же зрения закона, это означает ни что иное как ранее указанные начала отработанного гражданского законодательства — неприкосновенность собственности, безусловную защиту прав и — что не менее важно — юридическое равенство лиц, возможность лиц самим, своей волей определять условия своего поведения (вот оно — «частное право»!), недопустимость вмешательства власти и каких-либо других лиц в складывающиеся по воле частных лиц юридические отношения. Все то, что открывает простор для инициативы, предприимчивости и одновременно защищает от произвола, злоупотреблений (в результате которых и произошло сказочное, травмировавшее общество обогащение небольшого слоя ново-русской компраторской буржуазии, в основном выходцев из партийно-комсомольской номенклатуры).

Конечно, мы в данном случае сталкиваемся с поразительным явлением. Государственная власть как бы отстраняется от складывающихся юридических отношений и в то же время она же, та же самая государственная власть призвана своей принуждающей

мощью защищать, обеспечивать такого рода частные правовые отношения, не допускать злоупотреблений и произвола. Но именно тут, в этом удивительном парадоксе, раскрывается сама суть права как своеобразного социального феномена.

К сказанному нужно добавить, пожалуй, только вот что. С давних времен частное право противопоставляется публичному праву. «Публичным» оно называется потому, что охватывает сферу государственных дел — соби́рание налогов, административное управление, уголовное преследование правонарушителей, осуществление правоохранительной деятельности, в том числе правосудия. При всей важности юридического регулирования в этих областях жизни общества, оно все же представляет собой специфическое продолжение государственной деятельности со всеми ее характерными чертами — императивностью, односторонней властью (хотя в общественном мнении с понятием «право» по большей части связывается именно эта сторона юридической системы).

Но, как бы то ни было, важно иметь в виду, что, во-первых, в развитой правовой системе присутствуют оба ее наиболее крупные подразделения, точнее даже — сферы: и публичное, и частное право (своеобразие того и другого лучше всего постигается при их сопоставлении), а во-вторых, развитие частного и публичного права при нормальном демократическом режиме происходит во взаимодействии и, что особо существенно, во взаимном влиянии, даже во взаимопроникновении (что особо наглядно демонстрирует правосудие).

Приходится в этой связи высказать сожаление на тот счет, что разработки, направленные на восстановление

частного права, были восприняты отдельными специалистами в области управления и государственных дел как акции, умаляющие роль публичного права в обществе и демократическом развитии. Между тем, из существа упомянутых разработок ничего подобного не следует. Напротив, возрождение частного права — необходимый элемент к воссозданию публичного права как высокозначимой и «истинно правовой» сферы. И именно в единстве и во взаимодействии с частным правом публичное право оказывается способным выполнить свою, незаменимую миссию в прогрессивном развитии общества, в утверждении демократических начал общественной жизни. Впрочем, все эти вопросы — особые, требующие специального рассмотрения. Здесь они только упомянуты в связи с подготовкой в России 92-97-го годов Гражданского кодекса, построенного на началах частного права.

3. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ПОРА СКАЗАТЬ О ТОМ, что подготовка и прохождение проекта Гражданского кодекса через государственные инстанции происходили в острой борьбе. Борьбе по большей части подспудной, коридорно-аппаратной, лишь порой выплескивавшейся наружу. Тем не менее именно острой, жесткой, по марксистскому лексикону — прямо-таки классовой.

Противодействие принятию современного Гражданского кодекса основывалось, понятно, на том, что ГК был выразителем, мощным инструментом и, если угодно, символом последовательно демократического направления реформирования российской экономики, всего общества. И для всех социальных сил, кругов, деятелей, не приемлющих перспективу действительно

демократических перемен в российском обществе, ГК был принципиально враждебен.

Были тут и серьезные объективные предпосылки нашего реального бытия.

Первые шаги по формированию свободной конкурентной рыночной экономики в 92-96-м годах не привели к ожидаемым результатам, экономическая жизнь России оставалась во многом огосударствленной и потому не очень-то нуждающейся в том, чтобы на практике доминировали частноправовые начала. Вдобавок к этому и в науке (и тем более в чиновничье-научных подразделениях) крепкие позиции продолжали занимать сторонники хозяйственного права — той, напомним, теории планово-социалистического толка, которая отвергала рыночное хозяйство и не только оправдывала, но и возвеличивала систематическое и всестороннее государственное командование в экономике. И хотя по понятным причинам идеи хозяйственного права в их исконно-социалистическом виде в новой обстановке не могли быть приняты обществом, приверженцы хозяйственного права, главным образом, стремились, судя по всему, к тому, чтобы не допустить принятия Гражданского кодекса, а взамен дать ему альтернативу в виде документа, близкого к Хозяйственному кодексу — Торговый кодекс или Предпринимательский кодекс, или Кодекс хозяйственного оборота.

И вот, как уже упоминалось, в правительственном документе неожиданно был поставлен вопрос о подготовке Торгового кодекса. Кодекс хозяйственного оборота, наспех скомпонованный одним московским адвокатом, вопреки всем конституционным и законодательным установлениям, был принят в Калмыкии. В начале

1993 года под эгидой правительственной инстанции в престижном Президент-Отеле состоялась конференция сторонников хозяйственно-правовой концепции и там усиленно пропагандировалась идея о двух «частных» правовых сферах — одна для отдельных граждан, другая для предприятий (т.е., по сути дела, возрождалась идея «двусекторного права», которая в 20-30-х годах разрабатывалась сторонниками плановой социалистической экономики). Наконец, и в одном из президентских документов оказалась строчка о том, что наряду с Гражданским кодексом надлежит подготовить Предпринимательский кодекс.

Но все это, так сказать, «около-законодательные» события, недобрые знаки и симптомы в научных и чиновничьих кругах. В конце 1993 — начале 1994 года возникли и более серьезные угрозы.

В середине октября 1993 года проект первой части Кодекса (в связи с гигантским объемом работ было решено — как, например, в Нидерландах — представлять проект Кодекса и принимать его «по частям») был представлен в Правительство и в середине октября вынесен на утверждение Президиума Правительства с участием ведущих министров. Там проект был одобрен и передан Президенту для представления в Государственную Думу.

И как раз на заседании Президиума прозвучал первый сигнал более серьезной угрозы. Более чем сдержанно к проекту Кодекса отнеслось ведомство, казалось бы, наиболее заинтересованное в современно-цивилизованном регулировании имущественных отношений — Госкомимущество. И в этой связи было заявлено, что такого рода документ нельзя доверять одним правоведам и что в работе над проек-

том необходимо обеспечить большее участие экономистов, специалистов из ведомств. И хотя проект Кодекса после известной доработки был передан в президентскую администрацию, там он неожиданно застрял.

Как выяснилось позже, проект застрял не где-нибудь, а в уже упомянутом ранее ГПУ — Государственно-правовом управлении, почитавшим себя высшим вершителем юридических вопросов в стране. При этом, судя по всему, причиной задержки стало, пожалуй, не столько влияние на руководство ГПУ научных кругов, исповедующих идеи хозяйственного права, сколько стремление этого суперюридического ведомства, подкрепленное аналогичной позицией Госкомимущества, представить дело так, что все нормативные документы по собственности и имуществу имеют только одного двуединого «творца» — Госкомимущество и ГПУ. Как ни парадоксально это выглядит, стало известно, что ГПУ не только организует разгром подготовленного проекта, но и вербует специалистов-правоведов для подготовки «своего» проекта Гражданского кодекса (затея, из которой, несмотря на крупные затраченные на сей счет суммы, ничего не получилось).

Более полугода, до мая 1994 года, проект Гражданского кодекса не получал дальнейшего движения, покоился в президентском аппарате — время, которое, впрочем, было использовано специалистами-разработчиками для усовершенствования текста. Более того, когда состоялась встреча с Президентом, то выяснилось, что судьба Кодекса уже решена: настойчивое мнение ГПУ возымело свое действие, и президентская администрация уже готовила материалы по отрицательному решению — не

представлять проект Кодекса в Государственную Думу.

И вот здесь нужно отдать должное Президенту России: основания, предопределяющие острую необходимость для реформируемой России современного Гражданского кодекса, оказались достаточно весомыми для того, чтобы уже принятое решение, перекрывающее дальнейшее движение проекта Кодекса, было изменено и подписано распоряжение о представлении проекта в Государственную Думу.

Уже на следующий день после упомянутой встречи проект первой части Гражданского кодекса был направлен в Государственную Думу, которая, не мешкая, рассмотрела проект на своих комитетах и спустя три недели, к концу мая 1994 года, на пленарном заседании Дума приняла проект в первом чтении.

НЕ СЛЕДУЕТ УПРОЩАТЬ ситуацию, связанную с разработкой и принятием Гражданского кодекса. Определяющую роль играли здесь все же не рецидивы былых научных представлений, научные и ведомственные амбиции, а явления более глубокие, серьезные.

Ведь только что рассказанные перипетии с Кодексом в правительственных и президентских апартаментах имели и солидную объективную подоплеку. Кодекс явно опережал время. Скажу еще раз, проведенные кардинальные реформы не дали ожидаемого результата, они привели к формированию не свободного конкурентного рынка, а базарного номенклатурного государственного капитализма, где императивная государственная власть продолжает оставаться в экономической области решающей силой, только распределяющей теперь не веществен-

ные материальные блага, а денежные ресурсы. И в таких условиях Гражданский кодекс, рассчитанный на «чистые» собственнически-рыночные отношения, в реальных деловых отношениях не очень-то нужен, не согласуется с требованиями все еще во многом государственной экономики.

Есть еще две глубокие объективные, (пусть и несправедливые) причины, предопределившие при рассмотрении проекта в различных инстанциях весьма жесткие действия противников Гражданского кодекса: во-первых, прямое политико-идеологическое неприятие Кодекса идейными противниками реформ, и, во-вторых, сепаратистско-местнические настроения правящих элит субъектов Федерации, представленных в законодательных учреждениях.

ОБЕ УКАЗАННЫЕ ПРИЧИНЫ дали себя знать при дальнейшем прохождении проекта Гражданского кодекса в Государственной Думе и в Совете Федерации.

После весьма быстрого принятия в первом чтении Гражданского кодекса Государственной Думой в конце мая 1994 года, казалось бы, успешное продвижение проекта во втором и третьем чтениях — дело предопределенное, и вскоре первая часть Кодекса (а она содержала наиболее важные, концептуальные положения нового гражданского законодательства) будет принята окончательно.

Но не тут-то было! Как бы опомнившись, против Кодекса решительно и монолитно выступила коммунистическая фракция. При этом заработала жесткая партийная дисциплина, исходящая от руководящего центра фракции, установка «голосовать против». И этой линии коммунистическая фракция придерживалась со всей присущей ей последовательностью, в том

числе и в дальнейшем, при рассмотрении второй части Гражданского кодекса в 95-96-м годах.

При этом фракция коммунистов пошла на риск саморазоблачения, на то, чтобы раскрыть перед согражданами свои истинные мировоззренческие позиции. Ведь коммунистические лидеры, упорно откровенничаясь от тоталитарно-гулаговского прошлого коммунистической партии, настойчиво подчеркивали, что они — «за закон», «за цивилизованные собственность и рынок», «против дико-базарных нравов стихийного рынка». Но ведь такого рода вопросы как раз и решаются гражданским законодательством, которое вводит экономическую свободу и хозяйственную инициативу в твердые законные рамки.

В чем тут дело? А в том, что именно гражданское законодательство является тем рубежом, с которого начала свободного демократического общества утверждаются непосредственно в бытии людей, в практике жизненных отношений, становятся твердыми, неизблемыми нормами повседневной жизнедеятельности. И следовательно, гражданское законодательство — тот рубеж, пройдя который, общество не может повернуть назад, к порядкам советского огосударвленного общества, к планово-распорядительной экономике.

Как тут не всполошиться явным (и скрытым) сторонникам централизованно-командного режима? Как тут не мобилизовать все силы, способные создать препятствия на пути глубоко демократического по своей сути современного гражданского законодательства?

По другим основаниям возникли трудности при прохождении первой и второй частей Гражданского кодекса в Совете Федерации. Ведь верхняя

палата российского парламента — Совет Федерации — формируется из представителей «субъектов Федерации», которыми стали бывшие автономии, области, края, т.е. недавние административно-территориальные единицы суперцентрализованного партийного государства, которые, начиная с 88-89-го годов, пользуясь благоприятной для них ситуацией (все противоборствующие политические силы непрестанно разыгрывали карту «автономий», «областей», потакали им), наращивали свою самостоятельность, суверенность, вплоть до некой государственной обособленности удельно-феодалного типа. И конечно же, притязания этих «субъектов» неизбежно концентрировались на собственности, на имущественных отношениях. А в такой обстановке единые и строгие для всей страны гражданско-правовые нормы связывали местные правящие элиты, областных правителей, не давали им возможности по своему усмотрению творить областные законы о собственности и имуществах. Поэтому, не имея возражений по-существу, члены Совета Федерации оказывали Кодексу глухое сопротивление — главным образом тем, что в своем большинстве не голосовали «за», и на заседании так и не набиралось нужного числа голосов, необходимого для одобрения принятого Государственной Думой Кодекса.

КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, в сложной борьбе, в открытом и «коридорном» противостоянии первая и вторая части Гражданского кодекса (охватывающие примерно 4/5 объема нормативного материала, включаемого в Кодекс) были приняты и вступили в действие.

Увы, в сложном столкновении противоборствующих сил пришлось в ряде случаев идти на известное политичес-

кое маневрирование, уступки, компромиссы. Таким путем, например, удалось преодолеть сопротивление Кодексу аграрной фракции (обычно контактирующей с фракцией коммунистов): ценой, уплаченной за поддержку Кодекса, стало решение заморозить главу о гражданско-правовых сделках с землей до вступления в действие Земельного кодекса.

4. ДОСТОИНСТВА И ПОТЕРИ

БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ПРЕУВЕЛИЧЕНИЙ можно утверждать, что российский Гражданский кодекс (даже в составе уже принятых двух частей, а тем более — в полном своем объеме) — это наиболее крупное достижение в законодательстве за всю историю нашего Отечества.

Реальное подтверждение достоинств Гражданского кодекса еще впереди: он со временем — что можно утверждать без малейших колебаний — приобретет значение основного звена законодательной основы гражданского общества в России. А пока важно отметить другое: российский ГК по основным своим характеристикам вполне соответствует передовым мировым стандартам, современному уровню гражданского законодательства развитых демократических стран с высокой правовой культурой.

При подготовке проекта Гражданского кодекса достаточно скрупулезно учтены международные документы по вопросам собственности, купли-продажи и, что особо существенно, прав и свобод человека. Прямо «на месте» (в Германии, Нидерландах, Италии, США) в непосредственных консультациях с ведущими юристами указанных стран проведены проработки текста проекта Кодекса, учтено, в

меру наших сил и понимания, все лучшее, что содержится в зарубежном законодательстве по вопросам собственности, договоров, внедоговорных обязательств.

В соответствии с современными тенденциями правового регулирования имущественных отношений в свободной рыночной экономике, российский ГК охватывает и ту область отношений, которая в некоторых странах во время, предшествующее современной стадии индустриальной и постиндустриальной экономики, регламентировалась особой юридической сферой — торговым законодательством. Российский Гражданский кодекс — это одновременно и кодекс, регулирующий торговые отношения.

По мнению ряда зарубежных специалистов, российский ГК (вслед за ГК Нидерландов, ГК Канадской провинции Квебек) — один из лучших сводов гражданского законодательства нынешнего времени.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА российского Гражданского кодекса — это последовательное и концентрированное выражение в нем идеологии частного права. Я говорю «идеологии» и этим хочу подчеркнуть, что идеи частного права не просто являются предпосылкой, незримой основой всего содержащегося в Кодексе нормативного материала, но они и изложены особо, отдельно, в виде заглавных, определяющих положений — начал.

Именно этим началам посвящена первая же статья Кодекса, которая так и названа — «Основные начала гражданского законодательства». В ней говорится, что гражданское законодательство основывается на признании таких начал:

— равенство участников регулируемых гражданским законодательством отношений;

— неприкосновенность собственности;

— свобода договора;

— недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела;

— необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав;

— обеспечение восстановления нарушенных прав;

— судебная защита гражданских прав. Кроме того, в статье первой специально указано на то, что граждане и юридические лица «приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе». «Они, — сказано в этой статье, — свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора».

Не правда ли, не просто «идеология», а целая философия. Философия свободы, самостоятельности и независимости участников хозяйственной, экономической деятельности. Та философия, которая вполне может стать духовной основой идущих в России экономических преобразований.

Два момента при этом достойны того, чтобы привлечь особое внимание.

Первый. В тех формулировках, в которых говорится об основных началах гражданского законодательства, звучит твердая настроенность на то, чтобы отделить достаточно определенной гранью новое российское гражданское законодательство от советских гражданских кодексов, отражающих догмы марксистско-ленинской идеологии. Ключевое значение здесь имеют слова о «недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела». Ведь в советском обществе проводилась противоположная идея, прямо сформулированная Лениным, идея, официально утверждаемая в качестве основополагающей, стерж-

невой, — о необходимости «вмешательства» пролетарского государства в частноправовые отношения (как раз в этой связи Ленин и сказал о том, что «мы ничего частного в области хозяйства не признаем»).

И второй момент. Сама идеология частного права выведена в Кодексе на современный уровень: так же, как в передовых гражданско-правовых документах (например, в Гражданском кодексе Канадской провинции Квебек), свойственная гражданско-правовому регулированию свобода, самостоятельность и независимость участников экономических отношений напрямую связываются с основными правами и свободами человека. Сверх того, российский ГК в ст.2 напрямую определяет, что «неотчуждаемые права и свободы... защищаются гражданским законодательством».

ХОТЕЛОСЬ БЫ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ на то, что недавно принятый Гражданский кодекс (первая и вторая части) — это именно российский и, если угодно, русский законодательный документ.

Конечно, основные гражданско-правовые институты, механизмы, формы и инструменты регулирования имеют единую общецивилизационную основу, коренящуюся в ценностях всемирного юридического шедевра — римского частного права и развитую в современном гражданском законодательстве стран с передовой юридической культурой. Оправдано использование в российском ГК — как уже отмечалось — юридических достижений, содержащихся в международных документах.

И тем не менее, в самой трактовке Кодексом собственности, иных вещных прав, купли-продажи, аренды, всего комплекса договорных и внедоговорных обязательств, наследования, в их нормативной проработке, терминологии,

других технико-юридических элементах и гранях — везде присутствует российская (русская) правовая материя — то, что можно назвать «русским духом», когда, по известному выражению, «Русью пахнет».

В некоторых случаях самобытность российского гражданского права утверждалась в ходе подготовки проекта ГК довольно остро, драматично. В 92-93-м годах по рекомендации зарубежных экспертов-правоведов из Великобритании федеральное ведомство, управляющее государственными имуществами, попыталось ввести в деловые отношения, связанные с собственностью, особый институт — «доверительную собственность». Более того, ведомство не только разработало особый нормативный документ, посвященный этому институту, но и добилось издания президентского указа, который начинался со слов: «Ввести в Гражданский кодекс Российской Федерации институт доверительной собственности...».

Между тем, доверительная собственность — это специфическая конструкция средневекового английского права, выработанная английскими судами того времени в целях конституирования ограниченного владения, в значительной степени основанного на доверии, моральных началах. Для российского же права характерно строго-вещное понимание собственности, причем такое, когда обеспечивается полное (абсолютное) обладание собственником вещами. Да и вообще «доверительная собственность» — именно как собственность! — не вписывается во весь комплекс институтов российского гражданского права, его технику и практику.

Другое дело, что регулирование многообразных имущественных отношений, в том числе и в условиях формирующегося рыночного хозяйства, в ряде случаев предполагает установление «до-

верительного управления». Такой институт был разработан, он хорошо согласуется с другими российскими гражданско-правовыми нормами, процессами действительной приватизации и поэтому вполне органично вошел в состав российского Гражданского кодекса.

ВМЕСТЕ С ТЕМ, было бы неверным оценивать российский Гражданский кодекс как некий идеал, эдакое безупречное юридическое совершенство. Наряду с рядом достоинств, в Кодексе есть и просчеты, потери.

С сожалением приходится признать, что по некоторым пунктам в ткань современного российского гражданского законодательства, построенного на принципах частного права, прорвались отзвуки прошлого — тех порядков, когда все вопросы экономической жизни решали чиновники. И пусть таких рецидивов и немного, но они есть, и о них следует сказать с полной определенностью.

Так, несмотря на все усилия и ряд позитивных регулятивных новшеств, все же не удалось построить такую систему организационно-деловых отношений при регистрации юридических лиц, когда бы доминирующее значение имел не разрешительный, а заявительский порядок (ст. 51 ГК).

В п. 2 ст. 422 ГК есть и более серьезная потеря принципиального характера. Вопреки «духу» частного права, нормативные положения этой статьи все же допускают возможность отмены или изменения условий уже заключенного и действующего договора.

Достойно сожаления, что ст. 548 допускает отступления от положений Гражданского кодекса не только в том случае, когда «иное» устанавливается законом, но и при снабжении тепловой энергией «через присоединенную сеть» тогда, когда «иное» вводится «иными правовыми актами» (к которым Кодекс

относит нормативные акты Президента и Правительства). Стало быть, в указанных ситуациях — вопреки точному смыслу ст. 3 Кодекса — постановлением Правительства может быть отменено действие норм Гражданского кодекса.

Отмеченные огрехи не могут быть интерпретированы как результат одного лишь недосмотра. Скажем, вопрос о соотношении закона и договора при разработке ст. 422 довольно тщательно обсуждался. И казалось, было найдено компромиссное решение (которое и было закреплено в п. 2). Но, как и по конституционным вопросам, оказалось, что компромиссы не всегда полезны, они могут принести и немалый ущерб делу.

5. ВПЕРЕДИ ВРЕМЕНИ — ЗНАЧИТ ВОВРЕМЯ

ПРИНЯТОМУ В РОССИИ Гражданскому кодексу (первой и второй частям) присуща — надо прямо признать — известная идеализация, такой характер, когда Кодекс как будто бы должен работать в уже благополучное время — регулировать вполне сложившиеся, вошедшие в плоть и кровь общественной жизни имущественные и иные отношения, свойственные свободному демократическому обществу с развитой конкурентной рыночной экономикой.

Между тем, реальная экономическая и социальная жизнь российского общества в годы разработки и принятия Кодекса, его «бытие» в настоящее время, да и в обозримом будущем, представляют собой совсем иную картину, чем та, которая в виде общих начал и юридических норм обрисовывается в ГК.

Ведь российское общество конца 80-х и 90-х годов — общество при любой интерпретации происходящих событий переходное и, значит, несущее в

себе значительные элементы старых порядков и одновременно — новых отношений, отношений, только-только складывающихся, нередко несовершенных, уродливых. Выходит, идеально сформулированные, «чистые» гражданско-правовые отношения не всегда согласуются с существующими реалиями, натыкаются на них, порождая на практике трудности и тупики.

Но дело не только в этом.

Главное здесь — это сегодняшние реалии, о которых ранее уже говорилось. К сожалению, осуществление радикальных по замыслу рыночных реформ в 1992 году началось и в течение ряда лет проходило и ныне проходит в посттоталитарной экономико-политической, социальной среде. Среде, в которой доминирует чиновничье-государственная машина, господствует прежний правящий класс (номенклатура), изничтожена нормальная частная собственность, разрушены естественные факторы жизнедеятельности, стимулы к труду. В этих условиях радикальные по замыслу реформы породили совсем иной результат, чем предполагалось, — не свободную конкурентную экономику, а номенклатурный государственный капитализм с олигархическими тенденциями, который довольно основательно утвердился на российской земле.

Государственный же капитализм (особенно постсоветский, впитавший в себя ряд черт советского коммунистического режима и режима олигархии) таков по самой своей сути, что для него «чистые» гражданско-правовые начала являются чуждыми и даже враждебными. В наибольшей степени это относится к такому началу, как недопустимость вмешательства в частные, гражданские отношения кого-либо (а значит — и властей, даже самых высоких).

Отсюда — весьма сдержанное отношение немалого числа властвующих кругов к действующему Гражданскому кодексу. Довольно ощутимым настроением в отношении Гражданского кодекса со стороны постсоветской чиновничьей епархии является примерно такой ход мыслей: если уж не удалось предотвратить принятие Кодекса, то пусть он существует сам по себе, а реальная хозяйственная жизнь будет по-прежнему строиться по нашему разумению и хотению, когда прямая государственная воля, в особенности решения первых персон, чуть-чуть украшенные ссылками на закон и даже ГК, останутся решающими факторами экономической жизни.

Есть основания утверждать: те принципы и начала, которые провозглашены и проводятся в нормативном порядке в Российском Гражданском кодексе, можно с полным основанием рассматривать в качестве идеологии современного рыночного хозяйства, принципов и начал современного гражданского общества — общества либеральной демократии и свободного конкурентного рынка. Ведь некоего общезначимого документа, в котором бы формулировалась философия свободного демократического общества (теоретические сочинения и партийные программы не в счет), ни у нас в стране, ни за рубежом не было и нет. Такую роль, по всем данным, на Западе как раз и сыграли гражданские кодексы — наполеоновский Кодекс во Франции, известное гражданское уложение в Германии (которые в годы появления их на свет также опережали время). А коль скоро основополагающие устои гражданского общества со свободной рыночной экономикой нашли в российском ГК прямое текстуальное закрепление в виде основных начал гражданского законодательства, то оценку Кодекса как

носителя принципов и идеалов свободного общества, если угодно, Манифеста свободного общества, можно, думается, выдвинуть в качестве достаточно обоснованной.

И вот что принципиально важно.

Гражданский кодекс и не выполнил бы своей крупной миссии, исторического предназначения, если бы он не закреплял регулирования отношений собственности и состязательного рынка в классическом виде, отражающем достижения мировой экономической и правовой культуры, и в этом смысле не опережал бы время.

Иначе, закрепи в Кодексе «переходные положения», рассчитанные на сегодняшние противоречивые, порой уродливые, прогосударственные реалии, он бы эти реалии увековечил, зафиксировал надолго вперед.

Уже говорилось, именно потому, что Гражданский кодекс касается каждого человека в его будничных, повседневных делах, именно через Кодекс, его нормативные положения происходит вхождение человека в гражданское общество, в свободную конкурентную рыночную экономику, переход идеологии демократии и рынка в реальный образ жизни людей.

Процесс этот неизбежно долгий. Он, судя по всему, особо долгим будет в российском обществе, искорененном и разрушенном коммунизмом. По-видимому, только после двух-трех поколений, пришедших на смену нам, советским людям, здесь произойдет коренной, качественный сдвиг. Но и при столь долгом сроке в обществе требуется упорная, долготерпеливая работа. Одна из обязательных и важнейших граней такой работы — вхождение в нашу повседневную жизнь Гражданского кодекса, для того и опережающего время, чтобы это время все же состоялось.